

Р. Ю. БЕЛЬКОВИЧ

ДВЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ АВРААМ ЛИНКОЛЬН И ПРОБЛЕМА СЕЦЕССИИ

В основе государственности США лежит акт сецессии – одностороннего отделения североамериканских колоний от Британской империи посредством принятия Декларации независимости. Последовавшая война с метрополией заложила фундамент республиканского героического дискурса. В то же время, попытка сецессии южных штатов век спустя была подавлена войсками Севера, апологеты независимости Юга были объявлены предателями. Существенную роль в изменении восприятия идеи сецессии в интеллектуальном пространстве США сыграл Авраам Линкольн. В статье рассматриваются аргументы Линкольна в пользу территориальной целостности США. Автор делает вывод о том, что Гражданская война в США обнажает принципиальные противоречия, свойственные государственности в Новое время. Важное последствие войны – интеллектуальный переворот, осуществлённый Линкольном, в отношении понимания природы государства в США. Государство из политической формы социальных отношений, основанных на самоуправлении, превратилось в самостоятельного субъекта, осуществляющего власть вне согласия управляемых.

Ключевые слова: *сецессия, Линкольн, рабство, революция, суверенитет.*

Одним из важнейших аспектов современной государственности, возникшей в Новое время и существующей в относительно неизменной форме и поныне, является территориальный характер её реализации. Именно территориальная определённость границ осуществления государственной власти наделяет эту власть специфическими чертами, позволяющими вести речь о качественно ином её характере по сравнению как с исторически предшествующими формами политической организации общества, так и с иными типами властных отношений, существующих параллельно государству¹.

Процесс становления этого типа «политического тела» сам по себе носил болезненный характер и предполагал значительные трансформации социального порядка в рамках всей европейской цивилизации. Вестфальская система создала подходящие условия для невиданной концентрации власти в руках новых европейских Левиафанов, всё менее ограничиваемых остатками феодальной «системы сдержек и противовесов». Монополизация функции правотворчества государством посред-

¹ Данное научное исследование №14-01-0084 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

ством вытеснения из нормативной сферы иных субъектов, претендовавших на лояльность населения, означала принципиальный разрыв власти и общества («гражданского» в терминологии Гегеля).

Произошедшее отделение государства от общества одновременно являло собой разрушение устойчивых социальных связей, а отсюда – и де-легитимацию властных институтов, более не являвшихся естественным продолжением повседневной жизни европейца. Новый порядок требовал новых концепций. В частности, важнейшую легитимационную функцию начинает играть теория общественного договора. Выход властных институтов из-под контроля общества требовал одновременной «фетишизации» общества как самостоятельной, вне- и дополитической сферы взаимодействия обособленных индивидов². Общество лишалось контроля над властью именно в силу того, что власть отныне объявлялась результатом почти механического процесса (столь же добровольного, сколь и неизбежного) порождения государства через таинство договора разумных индивидов.

Эффективность такого обоснования коренилась в интеллектуальной уловке, которую обнаруживает любой исследователь проблемы контракционизма³. Заключается она в том, что всё необходимое и достаточное для заключения подобного договора приписывается иным, воображаемым, исторически неактуальным абстрактным индивидам, в то время как следствие этого договора (фактически существующая система политических и правовых институтов, подкреплённая принуждением) распространяется на данных, конкретных и существующих в настоящее время индивидов.

Таким образом, вместо обоснования легитимности власти через традицию и реальную повседневную практику политических отношений, логика контракционизма предлагает интуитивно понятное и расчётливое объяснение, опасность которого, однако, состоит в том, что оно остаётся за пределами реальной человеческой жизни⁴.

² «Современное гражданское общество есть последовательно проведённый принцип индивидуализма, индивидуальное существование есть последняя цель; деятельность, труд, содержание и т.д. суть *только* средства». Маркс. 2010. С. 169.

³ Т.е. договорных теорий государства.

⁴ В сфере политического контракционизм производит операцию сходную той, которую, с точки зрения К. Маркса, производит в экономической сфере буржуазная политэкономия, а именно – вместо реальных людей и человеческих отношений оба эти подхода рассматривают абстракции. Если политэкономия за «рабочей силой» и трудочасами отказывалась видеть живого рабочего, то контракционизм объясняет реальные отношения власти и подчинения воображаемым договором, который заключили абстрактные индивиды.

Контракционизм стремится к одной из двух крайностей. В первом случае он воплощается в действительность как политическая практика, которая с неизбежностью приводит к разрушению наличных социальных институтов в процессе «перезаключения» общественного договора. Однако индивиды, возвращающие себе заявленное право на самоопределение, оказываются в мире абсолютных возможностей, никак не связанных социальной действительностью, традицией, ожиданиями окружающих. Оказавшийся в естественном состоянии индивид может оказаться «недостаточно разумным» по меркам контракционизма – он вообще может отказаться заключать подобный договор. Во всяком случае, эта «частноправовая» система взаимоотношений прямо враждебна самой конструкции национального государства и в качестве логического своего завершения имеет т.н. «философский анархизм», отрицающий возможность рационального обоснования государственной власти⁵.

Во втором случае контракционизм превращается исключительно в инструмент риторики – когда реальные договорные механизмы отсутствуют, а то, что являлось средством достижения социальных целей (государство), само становится целью. Договорная теория в таком случае парадоксальным образом отрицает свою собственную механику – результат соглашения заменяет сам процесс выражения согласия и делает новый подобный процесс невозможным.

Мы имеем возможность наблюдать этот переход от последовательной теории к договорной риторике на примере буржуазных революций XVIII века. Возникнув как способ обоснования «борьбы с тиранией» посредством установления справедливого (буржуазного) порядка, договорная теория как чистая идея ложится в основу революционных процессов, создавших на обломках старого режима структуры новых республик. Так, в 1776 г. 13 колониальных территорий Великобритании в Северной Америке объявили свою независимость, породив важнейший для контракционизма в частности и политической теории в целом прецедент сепарации – одностороннего (т.е. реализованного без согласия на то государства) отделения части территории государства и проживающего на ней населения и создания новой политической структуры.

⁵ В связи с этим см. критику использования договорных конструкций применительно к публичным отношениям в «Философии права» Гегеля – национальное государство как “сверх-порядок”, самостоятельная сущность, не может в каждый момент времени зависеть от индивидуальных волеизъявлений своих граждан, понятых как автономные субъекты. Государство требует трансценденции из мира реального (договоров) в мир абстрактный (чистой власти).

Возможность этого отделения была продиктована договорной интерпретацией природы государства как такового, независимо от конкретно-исторических особенностей конкретного государства. Ибо контракционизм предполагает не одно из возможных объяснений возникновения и функционирования государства, но единственное, исключающее все остальные объяснения. В рамках договорной логики государство в любом ином виде просто бессмысленно – точно так же, как бессмыслен любой иной договор для той стороны, которая не видит своего интереса в его заключении. Поэтому государство, исторически возникшее не из согласия, но из насилия и принуждения, может продолжить своё существование только в том случае, если фактически существующие «условия договора» удовлетворяют население.

Именно эта идея была со всей ясностью отражена в тексте Декларации независимости 1776 года: «Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить её и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье»⁶.

Тем не менее, несмотря на свой эмансипирующий посыл, договорная теория в условиях нового политического пространства стала стремительно утрачивать либертарные черты, что отчётливо проявилось в ситуации противостояния Севера и Юга. На примере этого столкновения мы можем проследить трансформацию договорных отношений власти в отношения авторитарные при сохранении риторики контракционизма. В случае США эта тенденция обнаруживает себя наиболее ярко именно в силу специфики истории североамериканской республики, возникшей в результате акта сепарации и основанной непосредственно на идее неотъемлемого права индивидов на самоуправление.

Значение проблемы сепарации для анализа природы современной государственности до сих пор не в достаточной степени оценено в науке. Рассмотрение теоретических оснований претензии Юга на независимость остаётся в тени вопроса о рабовладении⁷. Тем не менее,

⁶ Декларация независимости. 1993. С. 25.

⁷ Следует обратить внимание на тот факт, что в составе США в период войны оставались рабовладельческие штаты Делавэр, Миссури, Мэриленд и Кентукки, на которые не распространялась Прокламация об освобождении рабов. Таким образом, немедленная отмена рабовладения вовсе не являлась целью Линкольна.

как для сторонников независимости Юга, так и для администрации Линкольна, вопрос состоял исключительно в том, может ли часть территории национального государства отделиться и стать самостоятельной. Кровопролитная война 1861–1865 гг. есть свидетельство того, что ответ на этот вопрос вовсе не является очевидным⁸.

Противостояние Севера и Юга интересно тем, что оно в сжатой форме содержит в себе все те противоречия, которые являются «врождёнными болезнями» государств Нового времени. Несмотря на то, что в период гражданской войны в США в международном праве отсутствовала современная система защиты территориальной целостности государств, уже в 60-х годах XIX века Авраам Линкольн фактически сформулировал её теоретическую основу в своих программных высказываниях о будущем Союза.

В историографии принято разграничивать два явления – Американскую революцию и войну за независимость. Как писал в своём письме к Томасу Джефферсону Джон Адамс, война за независимость «...не была частью революции; она была лишь её эффектом и следствием. Революция свершилась в умах людей»⁹. Если война за независимость в XVIII в. в действительности являлась лишь внешней формой политической революции, победа которой означала торжество права на самоуправление (*self-government*), то война Севера и Юга в XIX в. тоже была лишь внешним проявлением контрреволюционного интеллектуального переворота, совершённого Линкольном¹⁰.

Итак, в чём же состояло идеологическое обоснование принуждения Юга к нахождению в составе Союза с точки зрения инициатора войны, президента США Авраама Линкольна. Прежде всего следует обратить внимание на то, что аргументация Линкольна не основана на необходимости освобождения чернокожего населения. Это и неудивительно, так как вопрос о рабовладении сам по себе никак не связан с вопросом о наличии или отсутствии права у территории на выход из

⁸ Современных работ, посвящённых теоретическим аспектам сецессии Юга, не так много. Среди них следует отметить, прежде всего, коллективную монографию *Secession, State & Liberty*. 1998, а также диссертацию Синтии Николетти: *Nicoletti S.* 2010. Позиция Линкольна также анализируется в таких общетеоретических работах о сецессии как *Wellman*. 2005 и *Buchanan*. 1991.

⁹ Adams J. To Thomas Jefferson, 24 August, 1815. 1856. P. 172.

¹⁰ Необходимо обратить внимание на тот факт, что война Севера и Юга не являлась, по сути, гражданской войной, так как представители восставшего Юга вовсе не планировали захватывать власть в том государстве, от которого они пытались отделиться. Для Юга северные штаты представляли собой уже самостоятельное государство, агрессия которого повлекла за собой военные действия.

состава государства. Линкольн вполне определённо высказывался на этот счёт: «...я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где он существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это»¹¹. Истинной задачей Линкольна являлось сохранение США в пределах современных ему границ: «Если бы я мог спасти Союз, не освободив ни одного раба, я бы это сделал, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы это сделал; если бы я мог спасти Союз, освободив некоторых и не трогая остальных, я бы сделал и это. То, что я делаю в отношении рабства и цветного населения, я делаю потому, что верю в то, что это поможет сохранить Союз»¹².

Свою позицию в отношении проблемы сепарации Линкольн отчётливо сформулировал в двух известных речах. Первая – послание 4 марта 1861 года, произнесённое Линкольном в Вашингтоне в рамках процедуры инаугурации после избрания его Президентом 6 ноября 1860 года. К моменту инаугурации семь южных штатов уже объявили о выходе из состава США. В связи с этим речь Линкольна практически полностью посвящена вопросу сохранения территориальной целостности Союза. Вторая речь – послание Конгрессу 4 июля 1861 года, в котором Линкольн убеждает Конгресс выделить финансирование на ведение войны с Югом. Несмотря на свой формальный и практический характер оба эти послания, тем не менее, содержат важнейшие теоретические постулаты, совокупность которых в достаточно полной мере раскрывает суть идейного переворота, осуществлённого Линкольном.

Ещё в 1825 г. Уильям Роуль, президент общества аболиционистов Пенсильвании (старейшей аболиционистской организации в США) и один из ведущих американских конституционалистов, писал, что отрицание права сепарации «несовместимо с принципом, на котором основаны наши политические режимы, а именно, что у людей всегда есть право решать, как ими следует управлять»¹³. Однако уже в 1861 г. Линкольн заявляет: «...Ни один из штатов не вправе сугубо по собственной прихоти выйти из Союза... принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия в пределах любого штата или штатов, направленные против власти Соединённых Штатов, носят, в зависимости от обстоятельств, повстанческий или революционный характер»¹⁴.

¹¹ *Lincoln A.* 1908. P. 309.

¹² *Lincoln A.* 1953. P. 388.

¹³ Цит. по *Secession, State & Liberty.* 1998. P. 166.

¹⁴ *Lincoln.* 1908. P. 312.

Если Линкольн полагал, что сам по себе акт сепарации носит противоправный характер и вследствие этого должен быть запрещён, то он с необходимостью должен был бы распространить этот тезис и на саму Американскую революцию, породившую в конце концов США. Это приводит к абсурдному выводу о том, что Линкольн защищал территориальную целостность государственного образования, легитимность которого он одновременно отрицал. Возможный тезис Линкольна, конечно, может звучать так – нельзя нарушать территориальную целостность фактически существующих государств независимо от легитимности их исторического возникновения. Однако это означало бы, прежде всего, что Линкольн вообще принципиально отказывается от всех тех идей, которые лежат в основе американской государственности и, прежде всего, отражённых в Декларации независимости. Ибо если фактически существующее государство является неприкосновенным, а его территориальные границы – незыблемыми, то вести речь о правительствах, черпающих свои законные полномочия *из согласия управляемых*, совершенно невозможно. Однако Линкольн никогда не заявлял о своём отрицании ценностей, отражённых в Декларации независимости. Таким образом, проблема заключается в том, что аргументы, приводимые Линкольном, могли быть адресованы и отцам-основателям.

Парадоксальным образом позиция Линкольна в то же время приводит к необходимому выводу о том, что действия южан в 1861 г. абсолютно равноценны действиям борцов за независимость в 1776 г., так как само возникновение устойчивой государственности есть в любом случае вопрос успеха или поражения действий, направленных на её создание. Если в случае европейских государств сама их относительная древность может быть использована как аргумент в пользу незыблемости государств и их границ (что само по себе, конечно, абсурдно в свете непрерывных трансформаций, которые они претерпевали), то применительно к США волонтаристский характер образования государства является очевидным фактом.

Линкольн говорит: «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции Союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в основных законах всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая истинная система правления никогда не имела в своих основных законах положения о прекращении собственного существования»¹⁵.

¹⁵ *Lincoln*. 1908. P. 311.

Прежде всего, с юридической точки зрения, Линкольн либо утверждает не имеющую никакого значения банальность, либо невероятно преувеличивает роль и функции нормативно-правовых актов. Так, слова Линкольна можно понять просто в том смысле, что в тексте Конституции США не содержится указание на срочный характер Союза. Но этой чертой (бессрочностью действия) Конституция США мало отличается от подавляющего большинства нормативных актов. Однако отсутствие указания в акте на временный характер его действия не означает, что его содержание составляют *вечные нормы*, порождающие *вечные институты*. Это лишь означает, что нормы не утрачивают своей силы вследствие истечения определённого срока. Но сторонники сессии, естественно, оправдывали выход из состава США вовсе не истечением срока действия Конституции. Наоборот – если Линкольн обращается к юридической стороне вопроса, то проблема как раз и состоит в том, что с точки зрения Юга право на сессию носит конституционный характер, и в таком случае действие Конституции никак не может ему противоречить.

С другой стороны, утверждение Линкольна можно истолковать в том смысле, что составители Конституции США, не указав на возможность прекращения Союза, связали тем самым и себя, и все последующие поколения нормативным пространством конституции. Однако в таком прочтении высказывание Линкольна ещё более абсурдно. Во-первых, сама идея о том, что с помощью нормативного акта можно в такой мере ограничить политическую волю населения, вряд ли может быть принята всерьёз. Следуя логике Линкольна до конца, необходимо было бы допустить, например, такую ситуацию, когда отцы-основатели внесли бы в текст конституции положение, прямо запрещающее её изменение. Подобного рода *plenitudo potestatis* ранее приписывали лишь наместнику Бога на земле Папе Римскому.

Следует также вспомнить почти пророческие слова Томаса Джефферсона, писавшего: «...Ни одно общество не может создать вечную конституцию или вечный закон. Земля всегда принадлежит живущему на ней поколению. <...> Каждая конституция, следовательно, и каждый закон естественным образом утрачивают свою силу по истечении 19 лет. Дальнейшее их действие будет основано не на праве, но на принуждении»¹⁶. Удивительно, что почти то же самое говорит и сам Линкольн в своей речи: «Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда

¹⁶ Jefferson to James Madison, September 6, 1789. 1895. P. 121.

их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его»¹⁷. Однако Линкольн искажает либертарный смысл высказывания Джефферсона, наделяя государство и его территорию самостоятельным бытием и допуская осуществление самоуправления только *в рамках* существующей государственности Союза. У Линкольна речь идёт исключительно о возможности ликвидации существующей власти, но не об уничтожении самой конструкции «страны со всеми её учреждениями». Линкольн отказывается от понятной и прозрачной логики отцов-основателей, для которых государство и его территория являются *следствием* самоуправления и договора, и превращает территорию государства в мистическое тело, неприкосновенное и живущее самостоятельной жизнью.

Любопытно также то, что Линкольн в другом месте своего послания описывает историю «развития» Союза следующим образом: «Исходя из этих общих принципов, мы приходим к выводу о том, что утверждение о вечности Союза в юридическом смысле подтверждается самой историей Союза. Союз значительно старше Конституции. Фактически он был сформирован Статьями Ассоциации в 1774 г. Закреплён и развит Декларацией независимости в 1776 г. В дальнейшем он был подкреплён Статьями Конфедерации 1778 года, в которых все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили свою веру в него, пообещав, что он будет вечным. И наконец, в 1787 г. одной из объявленных целей составления и принятия Конституции было “образовать более совершенный Союз”»¹⁸.

Очевидно, что Линкольн считает все перечисленные акты законными и легитимными, поскольку именно их непрерывная цепь составляет историю одного и того же Союза. Однако если читатель обратится к тексту Статей Конфедерации 1778 года, то он обнаружит, что Союз, о котором идёт именно в них речь, трижды назван *вечным*. Кроме того, представители штатов ругаются в тексте в том, что «статьи Конфедерации будут ненарушимо соблюдаемы теми Штатами», от которых они состояли представителями. Тем не менее, принятие Конституции США вне процедур, предусмотренных Статьями Конфедерации, прекратило действие этого акта, вовсе не предусматривавшего возможности подобного развития событий.

¹⁷ *Lincoln*. 1908. P. 317.

¹⁸ *Ibid*. P. 312.

Если бы всё то, что Линкольн говорит о Конституции США, было верным, то она просто не могла бы существовать, или во всяком случае не являлась бы легитимным документом, так как таковым продолжали бы *вечно* являться Статьи Конфедерации.

Заметим, что в тексте Статей Конфедерации содержится прямое указание на вечный характер союза, тогда как составители Конституции США, зачастую практически копировавшие текст Статей Конфедерации, от этой формулировки тем не менее отказались. Это неудивительно – предыдущий «вечный» основной закон был окончательно ратифицирован штатами лишь в 1781 г., то есть за 6 лет до созыва Конвента, принявшего новую конституцию. Кроме того, сама конституция 1787 года представляла собой весьма неустойчивый компромисс, надеяться на вечный характер которого участникам Конвента никак не приходилось¹⁹.

Именно как компромисс, временно позволяющий совместно существовать северным и южным штатам, рассматривали Союз и союзную конституцию представители Юга. На это Линкольн возражал следующим образом: «И опять, если Соединенные Штаты являются не самостоятельным государством, а ассоциацией штатов, основанной исключительно на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Может ли одна сторона договора нарушить его – разорвать, не требуется ли согласия всех для законной отмены его действия?»²⁰.

Здесь Линкольн намеренно подменяет понятия – допустив договорную природу Союза, он приравнивает разрыв договора к его нарушению. Однако единственным свидетельством наличия этого договора является сама Конституция США, которая ни в одном из своих положений не содержит запрет на выход штата из состава федерации. В то же время, десятая поправка к Конституции США гласит: «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми ею не запрещено отдельным штатам, сохраняются за штатами либо за народом». Конституция США приобрела свою юридическую силу после ратификации её штатами, из чего следует, что именно штатам на тот момент принадлежали полномочия по определению своего политико-правового статуса²¹. Поскольку эти пол-

¹⁹ См. об этом подробнее *McDonald*. 1985.

²⁰ *Lincoln*. 1908. P. 312.

²¹ Даже несмотря на то, что действовавшие в тот момент Статьи Конфедерации допускали внесение в них изменений исключительно «по желанию конгресса

номочия не были «делегированы Соединённым Штатам», и пользование ими не было «запрещено отдельным штатам», штаты не могли утратить эти полномочия с принятием Конституции, даже если допустить, что такая утрата теоретически была возможна.

Кроме того, в природе договоров нет ничего, что в любом случае запрещало бы одной из сторон его расторгнуть. Линкольн произвольно приравнивает понятие договора вообще к договору неисполненному. Однако применительно к такому договору, каким можно считать государство, сама идея исполнения договора приобретает совершенно иной смысл, нежели тот, которым оперировал Линкольн. Конституцию, рассматриваемую как договор, можно сравнить с договором о создании клуба, исполнением которого является соблюдение правил клуба, а не исполнение какой-то конкретной обязанности в отношении других его членов. Существование подобного клуба имеет смысл ровно в той мере, в которой все его участники заинтересованы в совместной деятельности. Отсутствие подобного интереса означает как раз *необходимость выхода* из такого клуба, но никак не потребность в принуждении к нахождению в нём.

Даже если допустить, что стороны договора не могут выйти из него добровольно, тезис Линкольна сталкивается с другой проблемой – если воспринимать договорную теорию всерьёз, то следует рассматривать в качестве договаривающихся сторон реальных, а не воображаемых субъектов. Так, в качестве договаривающихся сторон в 1787 г. выступали члены конвентов штатов, ратифицировавшие Конституцию. Однако совершенно очевидно, что к 1861 г. и население этих штатов, и тем более состав их законодательных органов, представляли собой уже совершенно иной набор индивидов. Следовательно, требование о расторжении договора исключительно договаривающимися сторонами является абсолютно невыполнимым. Оно имеет смысл только в контексте нового для США мифологического типа мышления, для которого политические структуры (штаты, США) имеют самостоятельное существование, не связанное с реальными индивидами.

Линкольн затрагивает здесь значительно более серьёзную проблему, на которую вскоре после войны прямо указал бостонский юрист Лисандер Спунер в своей работе «Нет измены», посвящённой обоснованию права Юга на выход из состава США. Спунер подверг

Соединенных Штатов и с одобрения законодательных собраний каждого Штата», коих насчитывалось 13. Текст же конституции связывал вступление её в действие после ратификации конвентами 9-ти штатов.

сомнению самую юридическую силу Конституции, опираясь на договорное понимание природы «свободных государств». Спунер писал: «Вся юридическая сила Конституции основывается исключительно на нём (согласии – *Р.Б.*). В отсутствие согласия этот документ является недействительным. И, конечно же, он не распространяет своё действие ни на кого, кроме тех, кто своё согласие выразил»²².

Спунер указывал на то, что все те, кто подписывали в своё время Конституцию США, уже давно мертвы, следовательно, и договор, выражением которого является этот документ, уже не действует. У людей, его заключавших, не было какой-либо особой власти, позволявшей распространять обязательства, вытекающие из этого договора, на своих потомков. Конституция США гласит: «Мы, народ Соединённых Штатов, с целью образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединённых Штатов Америки». Спунер по этому поводу писал: «Данный текст не содержит указаний на то, что потомство будет следовать этой Конституции, что ему стоило бы ей следовать или что оно должно ей следовать. Этот текст свидетельствует лишь о том, что авторы Конституции руководствовались надеждой на то, что этот документ окажется полезным для их потомков в деле укрепления их союза, обеспечения спокойствия, безопасности, свободы и пр. ... Так, например, когда человек говорит, что он сажает дерево для себя и своего потомства, не следует его понимать в том смысле, что он собирается принуждать своих потомков к чему-либо, и не следует считать, что он настолько наивен, что полагает, будто у него есть власть или право заставить их есть плоды этого дерева. Он лишь имеет в виду, что, сажая это дерево, надеется на возможную пользу, которую потомки могут извлечь из его плодов»²³.

Таким образом, взгляды Линкольна на сепарацию продиктованы совершенно иным, авторитарным пониманием самой природы государственности, не имеющим ничего общего с идеями 1776 года. Это ярко проявляется в следующем его тезисе: «Ясно, что центральная идея сторонников сепарации – это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных

²² Spooner. 1992. P. 59.

²³ Spooner. 1870. Pp. 4–5.

сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего, не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме»²⁴.

Линкольн здесь затрагивает сразу несколько важных тем. Прежде всего, он постулирует теорию правления большинства как единственно возможную. Однако, с точки зрения Юга, категория «большинство», понимаемая как большинство населения США, имела смысл до тех пор, пока население Юга желало быть частью населения США. Акт сецессии как раз и демонстрирует отсутствие такого желания, а значит и бессмысленность самой категории большинства в этом контексте. В соответствии с логикой Линкольна американские колонисты должны были в 1776 г. выяснить мнение большинства населения Великобритании прежде чем объявлять независимость от метрополии. Таким образом, Линкольн создаёт ещё одну воображаемую структуру – это народ Соединённых Штатов, существующий вне воли составляющих его индивидов. Искусственность этой структуры была доказана результатами войны – если она унесла примерно столько же жизней (около одного миллиона человек, примерно 3% населения), сколько все остальные войны США вместе взятые, трудно сделать вывод о братском единстве народов Севера и Юга.

Цицерон определял государство (республику) как «достояние народа», под которым он понимал «не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»²⁵. Американская республика, чьи отцы-основатели в значительной степени опирались на взгляды римского философа, к 1861 г., безусловно, уже не отвечала этим требованиям²⁶.

Далее, Линкольн приравнивает последовательный взгляд на договорную природу государства к анархизму, что, как отмечалось нами ранее, концептуально является верным. Однако Линкольн формулирует это утверждение как обвинение, фактически адресуя его не только

²⁴ *Lincoln*. 1908. P. 315.

²⁵ *Цицерон*. 1966. С. 20.

²⁶ О влиянии античных авторов на поколение 1776 года см. напр. *Wood*. 1969; *McDonald*. 1985. О влиянии флорентийской республиканской традиции см. *Роскок*. 1975.

Югу, но и отцам-основателям, считавшим сецессию вполне допустимой формой выражения несогласия. Таким образом, он превращает фактическое утверждение в оценочное, искажая при этом систему констант, на которую опиралась Американская революция. То же самое можно сказать и о следующем его утверждении: «Если меньшинство в таком случае прибегнет к сецессии... оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откалываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно прибегнуть к сецессии снова, точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти из его состава?»²⁷.

Проблема этого аргумента состоит в том, что он никоим образом не обосновывает необходимость запрета сецессии, но лишь описывает логически возможные её последствия. Действительно, если допустить, что Конфедерация может отделиться от США, то и часть Конфедерации впоследствии может отделиться от неё самой. Проблема здесь существует только в сознании самого Линкольна, для которого территориальная целостность государства приобрела священный характер, а идея о возможности её нарушения настолько ужасна, что Линкольн не считает нужным объяснить, почему наступление описанных им последствий должно быть предотвращено любой ценой. Линкольну сначала следовало бы обосновать, почему описанные им последствия являются чем-то нежелательным, так как в данном виде налицо обоснование через повторение тезиса – сецессию следует запретить потому, что она может произойти, что нежелательно; а нежелательно это потому, что она может произойти.

Линкольн считает, что «у наших штатов не больше и не меньше власти, чем Союз предоставил им в Конституции, и ни один из них никогда не был государством вне Союза»²⁸. Однако Декларация независимости была принята представителями 13-ти колоний, а не какого-либо Союза. В самом тексте Декларации эти колонии объявляются «свободными и независимыми штатами»²⁹. Именно эти свободные и независимые штаты (государства) и ратифицировали впоследствии Статью Конфедерации, что, очевидно, означало возможность отказа от такой

²⁷ *Lincoln*. 1908. P. 315.

²⁸ *Ibid*. P. 331.

²⁹ Термин *state* обозначает, естественно, не только штат, но и государство.

ратификации и, следовательно, от нахождения в союзе с другими штатами. Иначе говоря, сам факт принятия и ратификации Статей Конфедерации, а впоследствии (опять же, в результате новой сессии) и Конституции США штатами³⁰ свидетельствует об их самостоятельном существовании в качестве независимых политических образований.

Завершим рассмотрение аргументов Линкольна его утверждением: «Конституция гласит, и все штаты приняли это положение, что «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления. Но если штат имеет право законно выйти из Союза, он также может впоследствии упразднить республиканскую форму правления; таким образом, запрет на его выход есть необходимое средство, цель которого – обеспечить упомянутую гарантию; и когда цель является законной и обязательной, тогда и необходимые средства её достижения тоже являются законными и обязательными»³¹.

Это, возможно, наиболее удивительное с юридической точки зрения высказывание Линкольна. В целях аргументации Линкольн допускает ситуацию наличия у штата права выхода из состава Союза. Это, с его точки зрения (и вполне справедливо), порождает возможность ликвидации республиканского устройства и, по-видимому, установления монархии. Текст конституции абсолютно недвусмысленно распространяет гарантию республиканской формы правления на штаты, *находящиеся в Союзе*. Понятно, что конституция, ратифицируемая штатами, распространяется только на эти штаты и не распространяется, например, на территорию Великобритании. Однако из этого конституционного положения Линкольн делает совершенно невероятный вывод – допустив возможность самостоятельной государственности штата (ведь именно эта потенциальная самостоятельность порождает возможность упразднения республиканского режима), он одновременно рассматривает его политическое устройство как сферу, на которую каким-то образом продолжит распространять своё действие конституция другого государства – США.

Чтобы абсурдность этой конструкции стала очевидной, мы можем заменить положение о республиканской форме правления на лю-

³⁰ Следует также отметить, что конституция США вступала в действие после её ратификации 9-ю штатами. Таким образом, с момента ратификации её штатом Нью Хэмпшир 21 июня 1781 года конституция начала действовать, в то время как четыре штата ещё не вошли в состав Союза и, по сути, существовали в правовом пространстве Статей Конфедерации.

³¹ *Lincoln A.* 1908. P. 338.

бое другое нормативное положение – например, на положение раздела 10 статьи I Конституции США о том, что ни один штат не может уплачивать долги чем-либо, кроме золотой или серебряной монеты (с юридической точки зрения эти нормы обладают одинаковой юридической силой). Это положение (как и положение о республиканской форме правления) распространяется на все штаты США в равной мере. Следовательно, по логике Линкольна, оно должно быть реализовано в их отношении в любом случае. Однако реализацию этого положения невозможно будет проконтролировать в том случае, если штат выйдет из состава Союза. Значит сепессию необходимо запретить, так как новое самостоятельное государство может начать выплачивать долги чем-либо, кроме золотой или серебряной монеты.

Для Американской революции война за независимость XVIII века создала материальные условия для реализации идей свободы, равенства, самоопределения. Война Севера и Юга, в свою очередь, создала материальные условия для совершенно иных трансформаций. К числу последствий победы Севера в войне относится не только сохранение территориальной целостности США – посредством обвинения Юга в измене официальная пропаганда приобрела возможность объявить преступными все те ценности, на стороне которых выступал Юг, и прежде всего идею минимального вмешательства государственной власти в жизнь общества. Именно эта война повлекла за собой беспрецедентное разрастание влияния федерального правительства на штаты.

Но самое важное последствие войны – интеллектуальный переворот, осуществлённый Линкольном, в отношении понимания природы государства в США. Государство из политической формы социальных отношений, основанных на самоуправлении, превратилось в самостоятельного субъекта, осуществляющего власть вне согласия управляемых. Американский философ Альберт Джей Нок писал: «На самом деле, можно сделать вывод о том, что действия Линкольна повлекли за собой радикальные изменения всей системы конституционного «толкования» – с этого времени «толкованию» подвергалась не Конституция, а действия государственной власти»³². Значение этой трансформации выходит далеко за пределы политической истории США – идейная контрреволюция Линкольна демонстрирует глубокое противоречие между ценностями самоопределения и историческими попытками реализовать их с помощью института национального государства.

³² *Nock A.J.* 1950. P. 171.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А. Жидкова. М., 1993.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010.
- Цицерон. О государстве / Цицерон. Диалоги. М., 1966.
- Adams J. To Thomas Jefferson, 24 August, 1815 // The Works of John Adams. Vol. X. Boston, 1856.
- Buchanan A. Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. Oxford, 1991.
- Jefferson to James Madison, September 6, 1789 // The Writings of Thomas Jefferson. Vol. V. N.Y., 1895.
- Lincoln A. A Letter from the President / The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. V. New Brunswick, 1953.
- Lincoln A. First Inaugural at Washington, D.C. // The Speeches of Abraham Lincoln. N.Y., 1908.
- Lincoln A. Message to Congress in Special Session // The Speeches of Abraham Lincoln. N.Y., 1908.
- McDonald F. Novus Ordo Seclorum: The Intellectual Origins of the Constitution. Lawrence, 1985.
- Nicoletti C. The Great Question of the War: The Legal Status of Secession in the Aftermath of the American Civil War, 1865–1869. Unpublished diss. thesis. University of Virginia, 2010.
- Nock A.J. Our Enemy, the State. Caldwell, 1950.
- Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Princeton, 1975.
- Secession, State & Liberty / Ed. by David Gordon. New Brunswick, 1998.
- Spooner L. No Treason. No. I, II // The Lysander Spooner Reader. San Francisco, 1992.
- Spooner L. No Treason. No. VI. Boston, 1870.
- Wellman C.H. A Theory of Secession. N.Y., 2005.
- Wood G.S. The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill, 1969.

BIBLIOGRAFIJA

- Deklaracija nezavisnosti // Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitucija i zakonodatel'stvo / Pod red. O.A. Zhidkova. M., 1993.
- Marks K. K kritike gegelevskoj filosofii prava / Marks K. Jekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i druge rannie filosofskie raboty. M., 2010.
- Ciceron. O gosudarstve / Ciceron. Dialogi. M., 1966.
- Adams J. To Thomas Jefferson, 24 August, 1815 // The Works of John Adams. Vol. X. Boston, 1856.
- Buchanan A. Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. Oxford, 1991.
- Jefferson to James Madison, September 6, 1789 // The Writings of Thomas Jefferson. Vol. V. N.Y., 1895.
- Lincoln A. A Letter from the President / The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. V. New Brunswick, 1953.

- Lincoln A.* First Inaugural at Washington, D.C. // *The Speeches of Abraham Lincoln.* N.Y., 1908.
- Lincoln A.* Message to Congress in Special Session // *The Speeches of Abraham Lincoln.* N.Y., 1908.
- McDonald F.* *Novus Ordo Seclorum: The Intellectual Origins of the Constitution.* Lawrence, 1985.
- Nicoletti C.* *The Great Question of the War: The Legal Status of Secession in the Aftermath of the American Civil War, 1865–1869.* Unpublished diss. thesis. University of Virginia, 2010.
- Nock A.J.* *Our Enemy, the State.* Caldwell, 1950.
- Pocock J.G.A.* *The Machiavellian Moment.* Princeton, 1975.
- Secession, State & Liberty* / Ed. by David Gordon. New Brunswick, 1998.
- Spooner L.* *No Treason. No. I, II* // *The Lysander Spooner Reader.* San Francisco, 1992.
- Spooner L.* *No Treason. No. VI.* Boston, 1870.
- Wellman C.H.* *A Theory of Secession.* N.Y., 2005.
- Wood G.S.* *The Creation of the American Republic, 1776–1787.* Chapel Hill, 1969.

Белькович Родион Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; rbelkovich@hse.ru

Two Wars for Independence: Abraham Lincoln and the Secession Problem

The independent statehood of the USA is based on the act of secession – the unilateral separation of American colonies from the British Empire through the formal Declaration of Independence. The war against the metropolitan rule has become the foundation of the republican heroic discourse. On the other hand, the secession attempt of the Southern states a century later has been suppressed by the Northern army and the Southern independence theorists have been accused of treason. Abraham Lincoln played an essential role in changing the perception of the secession idea in American intellectual landscape. The author analyses Lincoln's arguments in favor of the territorial integrity of the USA and comes to the conclusion that American Civil War reveals fundamental contradictions inherent in the modern statehood. An important consequence of the war was an intellectual revolution provoked by Lincoln; this changed the understanding of the nature of state in the USA. From a political form of social relations based on self-governance state turned into an independent subject that rules without an accent of the ruled.

Key words: secession, Lincoln, slavery, revolution, sovereignty

Belkovich Rodion Yurievich, PhD (in Law), Associate Professor, Department of theory of law and comparative law studies, Higher School of Economics; rbelkovich@hse.ru